

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Михаил Жванецкий — сатирик, автор популярных эстрадных миниатюр и спектаклей. Его монологи читают такие блестящие мастера эстрады, как Аркадий Райкин, Роман Карцев, Виктор Ильченко. Да и сам Михаил Жванецкий — отличный исполнитель. Поэтому встреча началась с вопроса, как рождаются эстрадные миниатюры, как автор выбирает тему.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:**«Я НЕ ШУЧУ»**

— Михаил Михайлович, не припомните наиболее яркие события последнего времени?

— Припомню... Мой день рождения... Какое еще событие редакция сочла бы за яркое?

— Например, появление новой книги...

— Даже услышав о не новой книге, ко мне в этом году стало обращаться очень много людей. Видимо, не застав в магазинах ни одного экземпляра, они решили, что я скупил весь тираж.

— Занимаясь сатирой, вы...

— Я занимаюсь не сатирой, а трезвыми размышлениями...

— Хорошо, размышлениями...

Наблюдаете ли вы какие-то зримые перемены в окружающем мире?

— Ну вы знаете, я начинал свою работу сатирика в области техники. Мои монологи касались технических проблем. После того как я это опубликовал, из техники ушел... Кстати, о переменах в техническом мире, в оборудовании для морских портов, каким я занимался. Там я заметил большие перемены, но не знаю, явилось ли это свидетельством моих высказываний или просто научно - техническая революция наблюдается. Еще что? Ясно видно стало, как устарели очень многие фелытоны. Как сейчас стареют просто на глазах материалы сатирические. Значит, происходят перемены и, видимо, к лучшему.

— Перемены в личной жизни вы тоже могли бы отнести к ярким событиям...

— Эти перемены хотя и носят личный характер, все же касаются работы. Я еще крепче связал свою жизнь с комсомолом. Литературную тоже. Работаю в редакции очень приятного мне журнала «Студенческий меридиан». Я бы, кстати, перенес этот факт в тот раздел, где мы говорили о наиболее ярких событиях.

— Будем считать.

— Что еще? Попробуюсь... Никому ничего не обещаю, но попытаюсь просто сесть и написать рассказ, где все-таки наконец прощумит электричка, упадет где-то топор, полыхнет огонек зажигалки. То есть начну замечать происходящее вокруг говорящих, чего не замечал. Для меня слова, звучащие в воздухе, всегда были главными.

— А какие перемены привели вас на эстраду?

— Одесский институт инженеров морского флота я заканчивал в ту пору, которую можно назвать временем всеобщих состязаний в остроумии, наблюдательности, временем КВНов. Тогда в Москве, в МГУ появилась эстрадная студия «Наш дом». В Ленинграде организовали «Весну в ЛЭТИ». А мы с Романом Карцевым — «Парнас-2». Это была самостоятельность нашего института. Когда же в 1959 году мы приехали в Ленинград по обмену студенческими театрами, то попросили Аркадия Райкина посмотреть нас. И вот мы на сцене Ленинградского театра эстрады. Это был великий день для нас — мастера сцены смеялись! В шестидесятом году Рай-

кин пригласил работать в своем театре Карцева, затем меня — завлитом, и после этого пошел мой спектакль «Светофор».

— Это из вашего спектакля: «Пусть все будет, но пусть чего-то не хватает»?

— Да. И «В Греческом зале», и «Авас», и «Федя - пропагандист», и про то, как одного человека однажды неудачно постригли, и ему пришлось долго выяснять цепочку причин этого случая.

— Кстати, еще о переменах. Как вы находите, Михаил Михайлович, меняются ли люди?

— Примитив уходит. Сейчас за каждым лицом — целая гамма чувств. На поверхность выходят более сложные люди. Более подготовленные. Сейчас любой карьерист, любой бюрократ сложен. Умен, по крайней мере, это уж факт! Дураков нет, не за кого уцепиться, как раньше.

— Раньше видим: галифе, зеленая шляпа и сапоги хромовые из-под гражданского пальто — это понятно... А сейчас — и образование, и диплом. И два диплома. И спортивность. И внешность.

— Что вы считаете главным недостатком нашей эстрады?

— Шутливость, перешедшую из самостоятельности, из КВН. Шутят со студенческих лет, шутят до сих пор. Выходят наши известные юмористы, сатирики, эстрадные актеры и шутят. Юмор, юмор, а что за ним? Написать смешно, может быть, и не так трудно. Но смех тоже разный бывает. Вот читает актер про то, как он арбузов поел и что было с ним потом. От такого смеха немного грустно. И хочется, чтобы над твоими миниатюрами как-то по-другому смеялись, чтобы чувствовали боль и любовь.

Вот недавно выступал перед хоккеистами. Передо мной был номер с куклой. Все смеялись. А потом я вышел: опять смех. И мне казалось, что он тот же: что над куклой, что над моими монологами. Тогда подумалось: зачем я все это пишу? Но в конце встречи подошли ко мне ребята и говорят: очень нам все понравилось, а вот куклу привозить не надо было. Так я еще раз убедился, что смех смеху — рознь.

— Слишком о многом хоте-

лось бы вас расспросить. Но вы, извините, газетная площадь ограничена... Тип начальника в идеале?

— Я знал одного. Когда работал в Одесском порту. Морозов его фамилия... Я работал механиком по кранам, а он — старшим механиком... Однажды я остановил кран, потому что у него был износ троса. Все бросились к Морозову. А он сказал: «Это я остановил!».

— Взял на себя?

— Он всегда брал на себя. Умел доверять подчиненным... Человек, который мгновенно берет на себя, — это для меня высший тип руководителя. «Я вами руководил, я отвечаю за все!» — моя самая любимая фраза. Я думаю, когда специалист, интеллигент и хороший человек соединятся в лице одного руководителя, мы будем стараться, чтобы такой человек сказал нам: «Спасибо!».

— Михаил Михайлович, многие наши читатели проводят свой досуг под записи Жванецкого. А как вы проводите свой досуг?

— С друзьями... Недавно я был на юбилее прекрасного артиста Льва Дурова в Театре на Малой Бронной. И заметил, что у него вкус к людям такой же, как у меня. Он любит тех же людей... Когда мы остались одни в небольшой комнатке, я подумал: боже, как редко мы собираемся, те люди, каких я люблю! Там сидел Эфрос, Карцев, сидел Ильченко, Ширвиндт. Там Ульянов сидел, которого я очень люблю. Сидели люди, и без них трудно представить свою жизнь. И еще подумал, как преступно мы теряем друг друга. Когда город становится таким огромным, как сложно встречаться с родными людьми.

— Восемь лет вы работали в Одесском порту. Придумали что-нибудь как инженер?

— Специальные захваты для выгрузки или погрузки автомобилей. Они до сих пор используются. Это я хорошо придумал.

— А вас не мучают временами сомнения, что, будучи инженером, вы приносили реальную, конкретную пользу...

— Да. Меня это очень волнует. Но один педагог мне сказал: «Мои студенты знают ваши миниатюры наизусть. Раз они знают вас наизусть, значит, это очень нужно».

И еще, читал недавно в одном журнале, что смех лечит конкретные заболевания, что благодаря смеху больные переходят с искусственного дыхания на свое. Мы, сатирики, добиваемся, чтобы у человека был свой взгляд, острый, ироничный. Другими словами, чтобы люди перешли с искусственного дыхания на свое. Тогда это больше, чем придумать один захват.

И все же для меня остается открытым вопрос — насколько нужно все, что я делаю сейчас? Может быть, не те проблемы поднимаю? Очень бы хотелось видеть дело рук своих. Поймите, не с конкретными недостатками мы воюем. В одной из передач «С добрым утром» я сказал: «Все мы боремся с плесенью вместо того, чтобы бороться с сыростью». В свое время на Райкина обижались пожарники, ветеринары. А теперь все умнее стали. Привыкли. А жаль. Обида — полезная вещь. Обиделся — значит совесть есть.

Конечно, пути улучшения нашей жизни очень сложны. Но ведь все зависит от человека. Вот и я тоже ищущу пути реальные и действенные, чтобы нам лучше жилось на этой земле. Думаю, чем могу помочь именно я. Сатирой, литературой? Чтобы остались не только слова...

Беседу вели
В. АЛЬБИННИН
и О. ЗЛОТНИК.